

КНИГИ

МАРГАРЕТ ДЖОРДЖ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ
«АЗБУКА-АТТИКУС»

ДНЕВНИКИ КЛЕОПАТРЫ

ВОСХОЖДЕНИЕ ЦАРИЦЫ

•

ЦАРИЦА ПОВЕРЖЕННАЯ

•

ГЕНРИХ VIII И ШЕСТЬ ЕГО ЖЕН:
АВТОБИОГРАФИЯ ГЕНРИХА VIII
С КОММЕНТАРИЯМИ ЕГО ШУТА
УИЛЛА СОМЕРСА

•

НЕРОН. РОДОВОЕ ПРОКЛЯТИЕ

•

ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ

МАРГАРЕТ ДЖОРДЖ

ЕЛЕНА
ТРОЯНСКАЯ

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д 42

Margaret George
HELEN OF TROY
Copyright © 2006 by Margaret George
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Климовицкой

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-25737-5

© И. И. Климовицкая, перевод, 2009
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

*Посвящается моей дочери Элисон Рэчел
и ее бабушке, моей матери Маргарет Дин —
последней настоящей красавице юга*

Я выражаю искреннюю благодарность моим мудрым друзьям из Греции, Артемису и Эви Кандаракис и Ксении Влетса, которые показывали мне археологические достопримечательности своей родины и оказывали поддержку, Кати Броберг Фоэль, Никосу и Марче Швейцер, любителям и знатокам Древней Греции, которые были единомышленниками в моих поисках, Брайану и Мэри Холмс, которые помогли мне определить структуру будущей книги, а также Джейн и Бобу Файбель, которые в античном мире чувствуют себя как дома.

...Троя, град благородный,
Разрушены стены навечно,
И много мужей безупречных
Жизни сложили; кто отрицает?
Во имя Елены — жены Менелая.
Того, что свершилось, уже не исправишь...

*Джон Лидгейт.
Книга о Трое. 1412–1420*

ПРОЛОГ

Я лечу в Трою. Точнее, парю — движение плавное, ни воздушных ям, ни бросков. Крыльев у меня нет, только руки, — правда, они стали больше, но с их помощью я лишь меняю направление, а не набираю высоту. Ветер обдувает пальцы. Меня охватывает изумление: кто бы мог подумать, что вернуться в Трою так легко!

Подо мной ослепительно-яркая синева моря. Сверкают брызги, бегут волны с белыми барашками пены, из них выступают голые спины островов, похожие на коричневых стриженных овец. Цепочки холмов вытягиваются, как хребты.

Где-то там и те острова, куда причаливали мы с Парисом. Вехи нашего пути в Трою. Но с такой высоты разве их разглядишь?

Рядом пролетает чайка. Меня толкает воздушная волна от взмаха ее крыльев. Кажется, я падаю, но все же мне удастся сохранить высоту, и я снова парю — легко и свободно. Туника раздувается и обвивается вокруг тела.

Далеко внизу виднеются корабли. Куда они держат путь? Кто на борту? Неизвестно, да и не важно. Вот и боги, наверное, так же безразлично смотрят сверху на нас — как на детские игрушки. Я это теперь поняла. Наконец-то. Показался берег, Троя уже близко.

Неужели так быстро?! У меня одно желание, одна навязчивая мысль: снова увидеть Трою. Войти в ворота города, пройти по улицам, коснуться крепостных стен и даже ничем не примечательных зданий. Теперь они все мне дороги. Я поворачиваю правее и осторожно приземляюсь возле самых больших городских ворот — южных. Когда я увидела их в первый раз, мне показалось, что они достают до неба. Теперь, увидев их сверху, я знаю, что до облаков им далеко.

Странно, что мои ступни касаются земли, не взметнув пыли. Я чуть не теряю рассудок от радости: наконец-то я вернулась в Трою. В полях за городской стеной поют птицы, в воздухе стоит

дурманящий полуденный запах луговых трав. Справа пасется табун: знаменитые лошади троянской породы пощипывают траву. Они мирно трутся друг о друга мышастыми боками. Всюду мир и покой. Поодаль в тени деревьев я замечаю каменный сельский домик с черепичной кровлей. Мне хочется подойти, постучаться в дверь, но он находится довольно далеко, и я направляюсь к городу.

Троя! Волшебная Троя вновь предстает перед моими глазами, ее очертания вырисовываются на фоне голубого неба. Ее башни — самые высокие из тех, что построены человеческими руками, ее стены — самые красивые и прочные. А за ними... Да, за ними открываются все чудеса света! Троя мерцает и парит, как мираж, дразнит и влечет, обещая открыть свои тайны.

Я подхожу к воротам. К моему удивлению, они не заперты. Мощные, обшитые бронзой створки широко распахнуты, а за ними гостеприимно простирается широкая дорога в цитадель. Не задаваясь вопросом, отчего на посту нет стражи, я вхожу в ворота, которые прежде всегда охранялись. Меня встречает тишина: ни грохота повозок, ни смеха, ни голосов.

Я шагаю вглубь крепости, навстречу дворцам и храмам, которые возвышаются над городом. Они видны издалека, их белизна и блеск притягивают взор, как статуя богини.

Нигде ни одной живой души. Эхо гуляет по пустым улицам. Куда подевались люди?

Я обследую крепость, где должны находиться все, кто дорог мне: Приам и Гекуба — в своем дворце, Гектор и Андромаха — в своем, многочисленные сыновья и дочери Приама — в собственных покоях. У Приама пятьдесят сыновей и двенадцать дочерей. Все, кроме Гектора, живут при царском дворце. А между храмом Афины и дворцом Гектора должен стоять наш с Парисом дворец, самый высокий в городе.

Вот он, я вижу его. Он прекрасен, исполнен величия. Именно таким задолго до закладки первого камня мы с Парисом нарисовали его в своем воображении, когда возлежали на благоухающем ложе, наслаждаясь друг другом и мечтая о собственном дворце. И он — передо мной.

Но ведь в реальности дворец выглядит иначе. Камень совсем другой: красный не удалось привезти из Фригии, пришлось заменить более темным с острова Лесбос. А здесь — камень совершенно красный, да и скреплен известковым раствором. Я озадаченно

Пролог

смотрю на стену. «Нет, этот дворец существовал только в нашем воображении, — шепчу я себе и пожимаю плечами, — какая разница...»

Я вхожу во дворец, иду по широкому мегарону, поднимаюсь по лестнице в ту укромную комнату, в которую мы с Парисом обычно удалялись, завершив дневные дела, чтобы наконец побыть наедине друг с другом.

По залам разносится эхо моих шагов. Почему здесь никого нет? Дворец заколдован. Ни звука, ни голоса, ни движения.

Я медлю на пороге нашей комнаты. Парис наверняка там. Он ждет меня. Он вернулся после объездки молодых лошадей — своего любимого занятия. Сейчас он пьет вино, потирая свежие синяки. Он вот-вот посмотрит на меня и скажет: «Елена, это та белая лошадь, о которой я тебе рассказывал...»

Решительно распахиваю дверь. В комнате пугающе пусто. И темно.

Я вхожу, шелест собственной туники оглушает меня.

«Парис!» — зову я. Это первое произнесенное мной слово.

Из легенд я знаю, что люди могут превратиться в камни. Но здесь людей вообще нет, они исчезли. Я снова и снова обхожу все залы, в надежде найти хоть кого-нибудь. Ни души. От Трои осталась только оболочка: дворцы, стены, улицы, но исчезло то, что составляло ее подлинное богатство, — люди.

А Парис?.. Где ты, Парис? Если тебя нет здесь, в нашем доме, то где же ты?

Вдруг комнату заливают солнечный свет. Я радуюсь, что наконец-то открыли ставни. Теперь Троя оживет: солнце разбудит ее. Улицы снова заполнятся людьми. Они не исчезли, просто спят и сейчас проснутся.

— Моя госпожа, пора.

Кто-то касается моего плеча. Парис! Ну конечно! Он вернулся.

— Я понимаю, как тебе тяжело, госпожа, но пора вставать, — слышу голос служанки. — Менелая нужно предать земле. Сегодня день погребения. Прими мои соболезнования, госпожа. Да не покинут тебя силы!

Менелай! Открываю глаза, оглядываюсь и ничего не понимаю. Комната — совсем другая, не та, что в троянском дворце.

О боги! Я в Спарте. Менелай умер.

Мой спартанский муж Менелай умер. Мой троянский муж Парис умер. Я не видела его тридцать с лишним лет. Троя разруше-

на. Даже дым над руинами не клубится, рассеявшись давным-давно. Даже пепел разметало ветром во все стороны. Трои больше нет.

Мой полет в Трою — всего лишь сон, который милосердно возродил стены, башни, улицы — то, чего больше нет. Нет и никогда не будет. Слезы текут у меня по щекам.

Служанка ласково касается моего плеча.

— Я знаю, как ты скорбишь о нем. И все-таки, госпожа, ты должна... Будь сильной.

Я спускаю ноги с кровати.

— Знаю. Я должна присутствовать на церемонии погребения. Более того, я должна руководить ею. Я помню свои обязанности.

Я встаю. Голова слегка кружится.

— Госпожа, я вовсе не имела в виду...

— Знаю. Ступай приготовь мне одежду.

Хоть так избавлюсь от нее.

Все равно. Сон подсказал мне выход. После похорон, когда дела в Спарте наладятся, я обязательно вернусь в Трою. Я должна еще раз увидеть ее своими глазами. Пусть и разрушенную, пусть и опустошенную. Только там я жила настоящей жизнью. Только там я обрела себя и стала Еленой Троянской.

Мне в жизни довелось испытать полет — тут сон не обманул — правда, недолгий. Давным-давно жила-была Елена, и только в Трое жила она. Понимайте это как хотите. В свое время я стала причиной вражды, войны, уничтожения. Говорят, что гирлянда из кинжалов пристала мне больше, чем венок из роз.

Но разве я этого хотела? В этом нет моей вины — я возлагаю ее на доблестных мужей, которые преследовали меня.

Я говорю «Елена» так, словно вы понимаете, о ком идет речь. Но кто же она такая — Елена?

Слушайте, я расскажу вам.

Затаите дыхание — и вы услышите мой рассказ.

ЧАСТЬ I
СПАРТА

I

«Елена»...

Я услышала это слово, еще не умея говорить, и догадалась, что Елена — это я. Мать всегда шептала мое имя очень тихо — не от нежности, а словно скрывая роковую тайну. Иногда она выдыхала его мне в самое ухо, и от ее горячего дыхания становилось щекотно. Ни в полный голос, ни даже вполголоса мать его не произносила. Вполголоса обращаются к человеку, когда разговаривают с ним с глазу на глаз, в полный голос — когда зовут. Но мать не желала пользоваться этим именем ни в том ни в другом случае.

Она придумала для меня ласковое прозвище — Лебедушка и, называя меня так, каждый раз улыбалась, будто от счастливого воспоминания. Это был наш с ней маленький секрет — при посторонних она меня Лебедушкой не называла.

Подобно тому, как постепенно проступают очертания холмов и лесов из дымки, которая понемногу рассеивается, так и наша жизнь понемногу проступает из пелены ранних воспоминаний. Из клубка спутанных впечатлений раннего детства могу выделить наше пребывание во дворце родителей матери, где она провела детство и юность. Дедушка с бабушкой тогда были живы, но их лица стерлись из памяти. Мы бежали к ним из Спарты, спасаясь от гибели. Отец лишился трона и вел жизнь царя в изгнании, поселившись в семье жены.

Сейчас-то я знаю, что родовой дворец матери находился в Этолии — она была дочерью царя Этолии Фестия. Но тогда я, конечно, понятия не имела ни о географии, ни о городах и названиях. Я понимала одно: наш дворец в Спарте, на вершине горы, открыт для солнца и ветра, в нем много воздуха и света, а в этом — темно и душно, как в сундуке. Он мне совсем не нравился, я очень хотела вернуться в Спарту и спросила маму, когда же наконец мы поедем домой.

— Домой? — переспросила она. — А разве мы не дома?

Ее слова меня обескуражили, и я отрицательно затрясла головой.

— Я здесь родилась, — пояснила мать. — Мой дом здесь, а не в Спарте.

— Зато мой в Спарте! — ответила я.

При мысли о том, что, может, никогда не вернусь в Спарту, я еле сдержала слезы. Мне удалось их остановить в уголках глаз, но дрожащие губы выдали меня.

— Не плачь, девочка! — сказала мать и взяла меня за руку. — Царевна ни перед кем не должна плакать, даже перед собственной матерью!

Наклонившись, она приблизила ко мне свое лицо. Я не любила, когда она так делала: брови сходились над переносицей, узкий овал становился еще длиннее и в облике появлялось что-то звериное.

— Скоро узнаем, сколько времени суждено нам провести тут. Дельфийский оракул откроет все.

— Что такое «оракул»? — спросила я: так я впервые услышала это слово, которое будет сопровождать меня всю жизнь.

Матушка объяснила, что оракулом называется место, где совершаются предсказания, а также само предсказание. Существуют святилища-оракулы и деревья-оракулы. Самый древний оракул в Греции — Додонский дуб. Его жрицы прислушиваются к шелесту листы, в котором читают волю Зевса. У Зевса есть еще одно знаменитое святилище — в Олимпии. Там его жрецы отвечают на вопросы, предварительно изучив сожженные внутренности жертвенного животного. Аполлону принадлежит много святилищ-оракулов, но самый главный — в Дельфах. Аполлон убил змея Пифона, сына Земли, который обитал в расщелине на горе. На том месте, возле расщелины, из которой идет дурманящий пар, возвели святилище, куда мы и отправимся. Это первый греческий храм, первый дом, построенный для бога. Священные пчелы Аполлона принесли неведомо откуда восковой образец чертога, окруженно колоннами. По этому образцу выстроили деревянный храм, потом на его месте — каменный. В середине храма лежит большой белый камень — омфала, который отмечает центр земли, или «пуп земли». Вокруг храма выросли разные строения с сокровищами-приношениями, театр, стадион. Но ни стен, ни войска у священного города нет — все соседние государства заключили договор защищать Дельфы.

Наша повозка тряслась и подпрыгивала, с обеих сторон подступал дремучий лес. Как не похоже это все на окрестности Спарты — ту ласково обнимает зеленая долина. Крутые холмы, поросшие кустарником и тощими деревьями, не делали путешествие более приятным. Возле горы, на которой находится Дельфийское святилище, нам пришлось выйти из повозки и карабкаться по неровной тропе, круто уходявшей вверх. По обеим сторонам росли высокие тонкие деревья. Своими стволами, словно иглами, они стремились проколоть небо, но тени не отбрасывали. Восхождение было трудным, путь то и дело преграждали валуны.

— Чем труднее дорога, тем радостнее результат! — сказал один из моих братьев, Кастор.

Он был на пять лет старше меня, темноволосый в мать, но, в отличие от нее, нрава открытого и легкого. Веселый и добрый, он был мне ближе другого брата и старшей сестры. Он и развлекал меня, и всегда был готов защитить как самую младшую в семье.

— Понимаешь, — пояснил он, — если бы награда давалась легко, мы бы ее не ценили.

— Какая еще награда?

Рядом с нами, тяжело дыша, шагал Полидевк: они с Кастором были близнецы, только Кастор яркий брюнет, а Полидевк столь же яркий блондин. Его всегда одолевали сомнения и опасения, которые отражались в глазах.

— Не вижу никакой награды, один только пыльный и тяжелый подъем на гору. И чего ради? Чтобы послушать прорицание о том, как нам быть. Все знают — если матушке совет не понравится, она его не расслышит. Да и к чему тащиться в такую даль? Разве не может она вызвать предсказателя к себе во дворец и провести ритуал гадания там?

— Слова оракула должен услышать отец, — ответил Кастор. — Он примет их к сведению, даже если матушке они придутся не по вкусу. В конце концов, решается судьба его трона.

— Трона его лишил собственный брат. Давай мы с тобой, брат, поклоняемся никогда не враждовать.

— Мы будем править совместно. Что может нам помешать? — рассмеялся Кастор.

— Если отец не вернет себе трон, нам нечего будет наследовать, — ответил Полидевк.

— Хорошо, тогда мы посвятим жизнь Олимпийским играм, состязаниям по борьбе, завоюем все призы, какие есть на свете, и всех женщин, и несметные стада...

— Вы всегда будете добиваться своего, я уверена. Это дар богов. — Неожиданно подле нас оказалась старшая сестра, Клитемнестра. — Ты устала? — повернулась она ко мне.

Конечно, я устала, но не хотела признаться.

— Ни капельки, — сказала я и в подтверждение своих слов ускорила шаг.

Мы прибыли в Дельфы на закате дня. После длительного подъема вышли к роднику, возле которого путники освежались, омывали лицо и наполняли водой кожаные мехи. Из этого родника питался колодец, над ним тенистым шатром раскинулось дерево. На поверхности воды играли солнечные блики. Все тут дышало тишиной и покоем, я погрузила ладони в неожиданно холодную воду и почувствовала, как силы возвращаются ко мне.

К оракулу идти было поздно, и мы приготовились к ночлегу на площади среди построек священного города. Рядом с нами на открытом воздухе расположилось много людей. Звезды светили ярко и холодно. Я смотрела на них и думала — надо попросить братьев, чтобы рассказали историю про звезды. Но усталость взяла верх, и скоро все мы спали крепким сном под открытым небом.

Солнце коснулось моих ресниц, разбудив очень рано. Ему не пришлось переваливать через гору, как в Спарте. Едва взойдя, оно в тот же миг залило все кругом. Люди зашевелились, заерзали, начали сбрасывать одеяла и потягиваться, предвкушая встречу с оракулом.

Отец был сам не свой. Он приветствовал других паломников, разговаривал с ними, но словно не слышал их и отвечал невпопад.

— Нам следует поспешить, мы должны прийти к оракулу первыми. — Он оценивающим взглядом окинул окружающих. — У всех обычные вопросы, а у нас решается судьба трона.

Он поторапливал нас, чтобы собирались быстрее.

Оракул. Судьба. Предзнаменование. Прорицание. До сих пор я была свободна. Я была обычным ребенком — по крайней мере, мне так казалось. Отныне моей жизнью распорядились они — оракулы и боги с их предначертаниями. Они сотворили меня.

Отец спешил. Он быстро шагал, наклонив голову, словно бодаясь с ветром. Вдруг дорогу нам преградил огромный камень, раздался резкий крик. На верхушке камня взгромоздилась старуха в черном балахоне с капюшоном, которая походила скорее на грифа или ворона, чем на человека.

— Ты! Ты! — скрипучим голосом прокаркала она.

Отец остановился. Мы тоже. Он подошел к ней и приподнялся на цыпочки, чтобы лучше слышать, а она свесилась с камня и что-то говорила ему. Он нахмурился, покачал головой. Он возражал ей — я поняла по его жестам. Затем он вернулся за мной и потянул меня за руку к старухе.

Я упиралась. Зачем он заставляет меня? Я вывернулась и хотела отбежать подальше.

— Девочка, девочка! — прокричала старуха своим отвратительным скрипучим голосом.

Тогда отец подхватил меня на руки, быстро подошел к старухе и, как я ни извивалась и ни пыталась вырваться, протянул меня ей. Она наклонилась, вцепилась мне в голову, и ее голос изменился. Она стала издавать странные, загадочные всхлипы. Ее пальцы, как когти, впились мне в голову, и я испугалась, что она оторвет ее.

— Девочка должна жить в Спарте, в Спарте. — Теперь старухин голос звучал как плеск воды в колодце у входа в Дельфы: глухо, словно из глубины. — Она посеет вражду между Азией и Европой, из-за нее начнется великая война, и множество греческих мужей погибнет!

— Пустите меня, пустите! — кричала я.

Но отец держал крепко. Старуха громко дышала, ужасный звук, исходивший из ее груди, напоминал полухрип-полурычание. Мать стояла поодаль недвижно, окаменев. Больше всего пугала меня беспомощность родителей перед этой старухой. Как будто она обладала загадочной силой, которая парализовала их.

— Троя, — бормотала она, — Троя...

Внезапно чары рассеялись. Старуха затихла, перестала хрипеть и отпустила мою голову. Кожа под волосами горела. Я обмякла на руках у отца.

Мы продолжили свой путь в гору, к знаменитой пифии, которая сидит в потаенном зале и вдыхает пары земли — так она разговаривает с Аполлоном и передает его слова людям¹. Отец вошел к ней. Не знаю, что она сказала ему. Я никак не могла оправиться от потрясения после встречи со старухой.

— Эта старуха — сивилла. Так называют женщин-пророчиц, которые пришли с Востока, — пояснила мне Клитемнестра. — Она

¹ Прорицания передавались через жрицу, пифию, которая находилась в состоянии медиумного экстаза, и трактовались жрецами, которые не отличались неподкупностью. Прорицания были заведомо двусмысленными. *(Здесь и далее примечания переводчика, кроме особо оговоренных случаев.)*

бродит по свету и предсказывает будущее. Сивиллы древнее оракула и важнее его.

Уж Клитемнестра-то разбиралась в таких вещах. Во-первых, она на шесть лет старше меня, а во-вторых, много времени уделяла изучению гаданий и предсказаний оракулов.

— Все, что говорит сивилла, сбывается. Всегда. Оракул — другое дело. Тут бывает по-разному, иногда он только сбивает с толку. И на самом деле все происходит не так, как подумали люди.

— Почему сивилла схватила Елену? — спросил Полидевк.

— Сам знаешь почему.

Клитемнестра посмотрела ему в глаза.

— Но я, я-то не знаю! — встрепенулась я. — Пожалуйста, объясните мне!

— Не мне объяснять тебе, — ответила сестра. — Спроси матушку.

И она засмеялась странным смехом, напугав меня не меньше сивиллы.

У меня создалось впечатление, что мы крайне поспешно вернулись во дворец бабушки и дедушки. Отец с матерью часто уединялись, вели долгие разговоры со старыми царем и царицей, родителями матери, поэтому я была предоставлена себе и целыми днями бродила по пустым залам дворца. О, как мне там все не нравилось, и голова болела после железной хватки сивиллы. Прикасаюсь к волосам, я чувствовала под ними корочки струпов.

«Великая война... Много греческих мужей погибнет... Троя...» Я не понимала смысла этих слов, видела только, как напугали они отца и мать — и даже Клитемнестру, которая никогда не ведала страха, готова была вскочить в колесницу с необъезженными лошадьми, нарушить любые запреты и правила.

Я нашла зеркало и попыталась исследовать ранки на голове. Я крутила зеркало так и этак, но безуспешно. Клитемнестра, войдя, выхватила зеркало у меня из рук.

— Нет! Ни за что! — крикнула она.

В ее голосе был неподдельный ужас.

— Не могла бы ты осмотреть мне макушку? — попросила я. — Мне не видно, что там.

Клитемнестра раздвинула мои волосы одной рукой.

— У тебя тут царапины, но не очень глубокие.

Другой рукой она крепко сжимала зеркало, отведя его подальше от меня.

II

Так я узнала, что мне запрещено смотреться в зеркало. Простая с виду вещица: отполированная бронзовая поверхность дает мутное, неотчетливое отражение. Мне почти ничего не удалось разглядеть. Лицо, которое мельком глянуло на меня, мало соответствовало моим представлениям о собственном облике.

Можем ли мы мысленно представить собственное лицо? Думаю, нет. Мне кажется, мы воображаем себя невидимками, вовсе не имеющими лица, способными сливаться со всем, что нас окружает.

Матушка довольно часто разглядывала себя в зеркале. Теперь мне кажется, будто всякий раз, войдя к ней, я заставала ее за этим занятием: она сидит перед зеркалом и то приподнимет брови, то повернет голову, чтобы увидеть профиль, то облизнет губы. Иногда она улыбалась своему отражению, но чаще хмурилась и вздыхала. Завидев меня, она всегда клала зеркало полированной поверхностью вниз, а однажды и вовсе села на него — чтобы я не взяла.

Была ли мать хороша собой? Очаровательна? Соблазнительна? Красива? В языке существует много слов для обозначения приятного впечатления, которое внешность человека производит на наши чувства. Я должна сказать — да, мать обладала всеми перечисленными качествами. Лицо у нее было, как я уже упоминала, узкое и длинное, что странно: в нашем роду преобладали круглые или овальные лица. Тонкий нос идеальной формы, как лезвие, пересекал ее лицо. Раскосые глаза широко поставлены. Они-то прежде всего и притягивали внимание: большие глаза играли главную роль в ее лице, но никогда не смотрели прямо в ваши глаза. Ее внешность поражала еще одной особенностью: удивительной яркостью красок. Кожа ослепительной белизны, волосы черные как смоль, а румянец на щеках, казалось, пылал огнем. Шея была длинная, тонкая, очень изящная. Мне казалось, такой шеей нельзя не гордиться, но когда однажды служанка сказала матери, что у нее бедная шея, та приказала ей выйти вон.

Мать звали Леда, — по-моему, очень красивое имя. Оно значит «женщина», и мать действительно отличалась удивительной женственностью. Выбрав такое имя, бабушка с дедушкой помогли, наверное, развиться этому качеству.

О своем имени — Елена — я затрудняюсь сказать что-либо определенное. Однажды я спросила мать — когда в очередной раз

Джордж М.

Д 42 Елена Троянская : роман / Маргарет Джордж ; пер. с англ. И. Климовицкой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 704 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-25737-5

Воспетая Гомером красота этой женщины, «что в путь суда подвигла», не спасла мир и никому не принесла счастья. Ей было суждено сеять раздор и разрушать цивилизации. Но на протяжении многих веков она вдохновляла художников и писателей на создание прекрасных произведений искусства. К мифу о Елене Троянской обратилась и Маргарет Джордж, автор исторических романов-бестселлеров, подарив своей героине собственный голос. Дочь бога, жена царя, главный приз в самой кровопролитной войне древности, прекрасная Елена рассказывает свою историю — историю женщины, которая открыла свое божественное происхождение и сокрушительную силу своей красоты, смирилась было с пресной супружеской жизнью, но встретила великую любовь и расплатилась за это сполна...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

МАРГАРЕТ ДЖОРДЖ
ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 31.05.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 43,12. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABB-34711-01-R